

*Религиозные мотивы
в поэме А.А. Блока
«Возмездие»*

*С. А. ВАСИЛЬЕВ,
доктор филологических наук*

А. Г. КУРГАНОВА

Религиозные мотивы играют важную роль в стиле поэмы Александра Блока «Возмездие». С опорой на их воплощение формируются как возвышенные смысловые планы поэтического служения Словом, так и иронические контексты.

Ключевые слова: религиозные мотивы, стиль, символ, художественные функции.

Поэма «Возмездие» во многом является знаковой в творчестве А.А. Блока. В ней поэт хотел реализовать себя как художник, чье слово обращено к обществу для улучшения нравственного облика современников. В этом ясно прорисовываются контуры конечного из этапов становления А.А. Блока как творца – по его собственной характеристике. Для него путь художника – это, как он показал в письме к А. Белому от 6 июня 1911 года, «“трилогия вочеловечения” (от мгновения слишком яркого света – через необходимый болотистый лес – к отчаянию, проклятиям, “возмездию” и... к рождению человека “общественного”,

художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право изучать формы, сдержанно испытывать годный и негодный матерьял, вглядываться в контуры “добра и зла” – ценою утраты части души)» [1]. Именно по этой причине А.А. Блок постарался в этой поэме отойти от символизма в целях более непосредственной передачи смыслов и идей, о чем свидетельствует пролог к произведению, в котором поэт очерчивает свою новую художественную концепцию: «Пусть же все пройдет неспешно, / Что в мире свято, что в нем грешно, / Сквозь жар души, сквозь хлад ума» [2. Т. 5. С. 21]. Как пишет Л.К. Долгополов, «Блок хочет отказаться в “Возмездии” от метода символического иносказания, от многосмысленности, потенциальных значений и “подтекста” вообще. Он называет вещи “своими именами”, зашифрованность тут имеет чисто внешний характер, ключ к ней отыскивается без труда» [3. С. 118].

Сюжет «Возмездия» раскрывает историю трех поколений одного рода, причем «в процессе работы замысел поэмы разросся до масштабов эпического произведения о судьбе России в один из наиболее сложных этапов ее истории» [Там же. С. 116]. В этой связи образ храма в поэме приобретает особую значимость, он выполняет художественные функции, связанные с раскрытием масштабной проблематики произведения, с формированием его новых, реализующих актуальные авторские задачи, содержательных планов.

А.А. Блок много времени уделял мистической основе жизни: «“Если я кощунствую, то кощунства мои с избытком покрываются стоянием на страже”. Этой формулой – “стояние на страже” – Блок, как известно, определял религию», – поясняют комментаторы [2. Т. 5. С. 322]. Для поэта религиозное чувство было глубоко сокровенным. Это подтверждается словами из его дневника, размышлениями по поводу стихотворения Ф.И. Тютчева «Два голоса» (запись от 3-го декабря 1911-го года): «(…) насколько обо всем, что дохристианское, можно говорить, потому что это наше, здешнее, сейчас, настолько о Христовом, если что и ведаешь, лучше молчать (*не* как Мережковский), чтобы не вышло “беснования” (Мусоргский)» (выделено А.А. Блоком. – С.В., А.К.) [4]. С этими мыслями писателя непосредственно связан и ряд религиозных мотивов «Возмездия».

Пролог поэмы насыщен художественными деталями, именованями, отсылающими к православной культурной традиции, к системообразующим элементам храма: «Пусть *церковь темная пуста*, / Пусть *пастырь спит*; я до *обедни* / Пройду росистую *межу*, / Ключ *ржавый поверну* в затворе / И в *алом от зари притворе* / Свою *обедню отслужу*» [2. Т. 5. С. 23. Курсив здесь и далее наш. – С.В., А.К.]. (Примечателен факт: «Книпович вспоминала, что среди “чем-то нелюбимых” Блоком стихов был “Пусть церковь темная пуста ~ Свою обедню отслужу” (строфа из пролога)» [Там же. С. 397].) В центре лирического сюжета оказываются

действия главного героя («я <...> / *Пройду* <...> *межу*, / *Ключ* <...> *поверну* <...> / <...> *обедню отслужу*»), которые противопоставляются окружающей пассивности, сну («Пусть церковь темная *пуста*, / Пусть пастырь *спит*...»). Персонафицированность, личностный характер действия подчеркивается притяжательным местоимением – *свою* *обедню отслужу*. Как замечено, данный поэтический «текст близок к автоцитированию» [Там же. С. 414]. В этом плане пролог перекликается со стихотворением «Ты прошла голубыми путями...» (1901): «Но с глубокою верою в Бога / Мне и *темная церковь светла*» [Там же. Т. 1. С. 69]. Сближают эти два произведения религиозные мотивы, в частности, образ храма, завершающий небольшое раннее стихотворение и, тем самым, занимающий в нем «сильную позицию» («пусть *церковь темная пуста*»; «*темная церковь*»). С этим образом связаны мотивы отшельничества, монашеского служения («Я живу в отдаленном скиту» [Там же. Т. 2. С. 12]), образ послушника, инока в первом томе «трилогии вочеловечения» («Брожу в стенах монастыря...» [Там же. Т. 1. С. 108], «Я, отрок, зажигаю свечи...» [Там же. С. 112]). А также образ служителя Прекрасной Дамы как представительницы метафизического мира: «Я их хранил в пределе Иоанна...» [Там же. С. 135].

Местом развития лирического сюжета в первой главе поэмы является столица Российской Империи. В тексте встречается упоминание Санкт-Петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря: «За самой городской чертой, / Где *светится Золотоглавый* / *Новодевичий монастырь*, / Заборы, бойни и пустырь / Перед Московскою заставой <...>» [Там же. Т. 5. С. 26]. Наследуя пушкинские традиции, Блок умело соединяет в образе высокое («золотоглавый») и бытовое, прозаические подробности («Заборы, бойни и пустырь»). Вторым из характерных символических сооружений города на Неве в поэме обрисован собор Петропавловской крепости: «Провидел ты всю даль, как *Ангел* / На *шпиле крепостном* <...>» [Там же. С. 47]. Варианты: «Был чуден окрыленный Ангел / На шпиле крепостном»; «напрасно Ангел окрыленный / Над крепостью возносит крест...»; «Ты видеть мог, как Ангел», «Ты видел далеко, как Ангел», «Ты видеть мог всю даль, как Ангел» [Там же. С. 243–244].

Еще один центр развития лирического сюжета – город Варшава, столица Польши (сын отправился в Варшаву к смертельно больному отцу). И в этом контексте упоминается храм, православный собор: «На миг скользнул ослепший взор / По *православному собору*... / (Какой-то очень важный вор, / Его построив, не достроил...» [Там же. С. 60]. В данном случае «имеется в виду строительство собора Александра Невского (по проекту Л.Н. Бенуа) на Саксонской площади (пляц Саски), переименованной по этому случаю в Соборную» [Там же. С. 443]. Несмотря на кафедральное значение храма, упоминание о нем происходит вскользь.

Единственное, что Блок выделяет особо, – это принадлежность его к православной юрисдикции. Это имеет значение, так как исторически Польша – католическая страна. Смысл этого фрагмента проясняется при обращении к черновым редакциям поэмы: «Не тем ли пасмурна Варшава, / Что в сей столице поляков – / Царит нахальная орава / Военных русских пошляков? / Что строит *русские соборы* / Какой-нибудь державный вор / Там, где пленял бы граждан взоры / Лишь *католический собор*?» [Там же. С. 169]. Если в столице православной империи Новодевичий монастырь – вполне естественное явление, то в исторической столице католической страны православный кафедральный собор – символ потери национальной независимости: «Возведение православного собора, не католического, в центре Варшавы воспринималось как вызов национальным чувствам поляков» [Там же. С. 443]. В восприятии Блока эта ситуация также разрешится через «возмездие», и, в частности, именно поэтому Польша выбрана одним из центров действия. Как писал Л.К. Долгополов, «⟨...⟩ Польша, согласно Блоку, неразрывными нитями связанная с самодержавной Россией, в великих усилиях именно сейчас пытается сбросить с себя иго деспотизма. Здесь также зреет очаг “возмездия” – за отнятую свободу и поруганную национальную гордость» [3. С. 120]. В то же время стоит отметить, каким образом историческая проблема Польши оказалась одним из основных мотивов поэмы: «личный и казалось бы случайный факт – то, что отец поэта оказался профессором Варшавского университета и умер в Варшаве, куда Блок поехал хоронить его, оказал решающее влияние на общую концепцию поэмы, имевшей, как известно, в первоначальной редакции многозначительный подзаголовок: “Варшавская поэма”» [Там же. С. 121]. «Возмездие», действительно состоялось: собор вскоре после отделения Польши от России был разрушен.

Религиозные мотивы в представленном фрагменте текста имеют черты публицистичности, присутствует явное ироническое указание на взяточничество при строительстве храма: «Какой-то очень важный вор, / Его построив, не достроил...».

Важная проблема религиозного сознания в предреволюционной России и характер личного отношения Блока с официальной Церковью и Богом также раскрываются в поэме через образы, которые относятся к храмовому пространству. В первой главе описывается обряд вступления в брак тети главного героя и ее жениха: «Нечесанный, в нескладном фраке / Он предстоит у *алтаря*, / Вступая в брак “принципиально”, – / Сей новоявленный жених. / *Священник старый, либеральный* / *Рукой дрожащей крестит их*, / *Ему, как жениху, невнятен* / *Произносимые слова* ⟨...⟩» [2. Т. 5. С. 35]. Образ священника в первой главе поэмы демонстрирует упадок религиозного сознания в обществе: жениху «невнятен» слова *либерального* (своеобразный оксюморон!) священника.

Духовное измерение одного из Таинств Православной Церкви, по-видимому, отсутствует, остается обряд. По сути, «либеральный» священник становится в один ряд с женихом, который изображен в поэме «модным», характерным представителем своего века, вступающим в брак «принципиально». Формализация церковной жизни нашла отражение и в других фрагментах поэмы. Обедни и панихиды скучны, неинтересны для героя, они, по сути, элемент жизни, пошлой своей обыденностью: «⟨...⟩ Сквозь скуку панихид, обедней, / Сквозь пошлость жизни без конца...» [Там же. С. 54]. Панихида характеризуется лишь суетой: «⟨...⟩ И улыбался суете / Чужой военной панихиды...» [Там же]. Похороны навевают лишь скуку, а колокольный звон смешивается с галдежом ворон: «⟨...⟩ Кончалась скука похорон. / Здесь радостный галдеж ворон / Сливался с гулом колокольным...» [Там же. С. 55]. (В этом контексте очень характерны многоточия Блока.) Панихиды и обедни – то, от чего персонажу желательно было бы отделаться: «От панихид и от обедней / Извавлен сын ⟨...⟩» [Там же. С. 57].

Эпоха, к которой принадлежал А.А. Блок, переживала острый кризис духовных ценностей: «Современникам 90-х годов XIX в. представлялось, что они переживают эпоху “безвременья”, кризис в общественной и духовной жизни» [Там же. С. 435]. Писатель опубликовал статью под заголовком – «Безвременье» (1906 г.), где отмечал появление в обществе людей новой формы, утративших свою человеческую сущность: «Люди стали жить странной, совсем чуждой человечеству жизнью. Прежде думали, что жизнь должна быть свободной, красивой, религиозной, творческой. ⟨...⟩ Теперь развилась порода людей, перевернувших эти понятия и тем не менее считавшихся здоровыми. ⟨...⟩ Они утратили понемногу ⟨...⟩ сначала Бога, потом мир, наконец – самих себя» [Там же. Т. 7. С. 22].

Для А.А. Блока же наличие мистической основы жизни, неслучайность бытия всегда были очевидными. И в этом состоит его личный мировоззренческий выбор как художника и человека, который раскрывается уже в Прологе: «Жизнь – без начала и конца. / Нас всех подстерегает случай. / Над нами – сумрак неминучий, / Иль ясность Божьего лица. / Но ты, художник, твердо веруй / В начала и концы. Ты знай, / Где стерегут нас ад и рай. ⟨...⟩ Сотри случайные черты – / И ты увидишь: мир прекрасен» [Там же. Т. 5. С. 21]. Мир – не случаен, в нем поэт видит ясность «Божьего лица».

Одним из важных повторяющихся религиозных мотивов в поэме – церковный календарь. Например, праздник Пасхи: «Весна, но солнце светит глупо, / До Пасхи – целых семь недель, / А с крыш холодная капель / Уже за воротник мой тупо / Сползает, спину холода...» [Там же. С. 46]. В авторских редакциях этого фрагмента упоминается и Великий Пост: «Скорей бы хоть Великий Пост! / Весна... Но солнце

светит скупо <...>» [Там же. С. 243]. Связь весны с церковным праздником / церковью устойчиво прослеживается у Блока и в черновиках продолжения поэмы. Естественно вписывается в окружающую действительность, перекликаясь с весенним гулом, церковный звон: «Да звук какой-то заглушенный – / Звук той же самой тишины, / Иль звон церковный, отдаленный, / Иль гул (неконченной) весны, / И потянулись вслед за звуком, / (Который новый мир принес) / Отец, и мать, и дочка с внуком, / И ласковый дворовый пес...» (Скобки отмечают незавершенность текста. – прим. редактора тома) [Там же. С. 66].

Поэт, набрасывая ряд характерных бытовых деталей, по сути, создает словесный образ живописного полотна, напоминающего характерные пейзажи русских художников («Московский дворик» В.Д. Поленова, «Полтавщина» С.И. Васильковского и др.). Кроме того, важна и словесно-музыкальная составляющая образа: практически в каждой строке приведенного отрывка есть упоминание о звуке – «звук какой-то заглушенный», «Звук <...> тишины», «звон церковный», «гул <...> весны», «вслед за звуком» и др.

Среди других черновых вариантов текста выделяется образ белой церкви, что наводит на мысль о его вероятной разработке Блоком как символа России: «<...> И в низовых лучах далеко / Белела церковь за рекой» [Там же. С. 66], «<...> и видная едва / Белеет церковь над рекою, / За ней опять – леса, поля... / И всей весенней красотою / Сияет русская земля» [Там же. С. 68].

С другой стороны, образ укрупняется далее в одной из черновых редакций поэмы: «Как скучно, тягостно и больно! / Лишь ты напоминала мне / Своей волнующей тревогой / О том, что мир – жилище Бога, / О холоде и об огне» [Там же. С. 151]. Здесь *сотворенный мир* также символически есть *храм*, поскольку в нем присутствует и действует Бог.

Религиозные мотивы (поиск Пути, инок, молитва, храм и др.) в поэме «Возмездие» разнообразны и многофункциональны, несут на себе яркую печать авторского стиля А.А. Блока. В произведении можно выделить две доминанты воплощения – мистериальная и сатирическая. В мистериальном плане религиозные мотивы раскрываются как указание на божественное присутствие, место обитания и действия Бога, от которого исходит творческий импульс поэту. Через мистериальный план храмового действия реализуется тема внутреннего духовного делания, подвижничества, метафорически изображаемого как служение «своей обедни». С другой стороны, религиозные мотивы играют важную роль и в раскрытии темы «безвременья», духовного кризиса современной поэту эпохи. Профанация, кощунственно поверхностное восприятие вещей, требующих духовного отношения и осмысления, изображаются в поэме как безучастное проговаривание молитвы священнослужителем, восприятие обществом религиозных таинств (венчание, панихиды, обедни)

лишь как внешних обрядов, неоконченная постройка «важным вором» православного собора. Так осуществляется реализация сатирической функции религиозных мотивов, при воплощении которой особую роль играет ирония.

Литература

1. *Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919.* М., 2001. С. 406; *Васильев С.А.* Феномен вочеловечения в творчестве А.А. Блока // *Институт XXI века: подготовка педагогических кадров нового поколения. Материалы научно-практической конференции.* М., 2011. С. 33–35.
2. *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. М., 1997–.
3. *Долгополов Л.К.* Александр Блок. Личность и творчество. Л., 1978.
4. *Блок А.А.* Собр. соч. В 9 т. М.–Л., 1962. Т. 7. С. 170–171.

*Московский педагогический
городской университет*